

Earth

МУЗЫКА ПЕРЕКРЕСТКА МИРОВ

заметки о ECM

Дмитрий Сенчаков

Подобно нашему телу, сознание эволюционирует. Возможно, первый шаг этой эволюции — испуг младенца, впервые увидевшего свое отражение в зеркале...

Интуитивный поиск гармонии можно назвать «наводкой на резкость». Сначала мы воспринимаем объекты как размытые пятна, неосознанно стремясь к наиболее ярким из них. Но со временем проявляются грани, и мы осознаем, что, кроме этих — бросающихся в глаза — областей, есть более детально и тонко организованный образ, притягивающий любопытство того, кто сумел его разглядеть. Этот поиск бесконечен, он выражает стремление к непосредственному восприятию гармонии миров.

Вспомните трехмерные картинки. Сколько ни всматривайся в них, ничего, кроме повторяющихся узоров, не различишь. И только расфокусировав глаза определенным образом (читай: сфокусировав их на скрытом в изображении объекте), можно увидеть, как объемно проявляется зашифрованная в них информация.

То же можно наблюдать и в музыке. Еще вчера мы презрительно отворачивались от «какофонии», которой казалось то или иное произведение, а сегодня оно кажется просто скучным, и мы не можем вспомнить ни единой ноты... Но завтра оно, возможно, «проявится», и мы осознаем, что это — «наше», оно станет созвучным нашему мироощущению.

Поиск «своей» музыки не столь свободен, как может показаться. Нас ведет наш собственный внутренний компас. Колебательная частота нашего Эго подсознательно стремится войти в резонанс с чем-то внешним. Система стремится к равновесию...

Феномен ECM многогранен. Это новый Космос, вселенная альтернативного бога. История ECM неразрывно связана с личностью ее основателя Манфреда Айхера, развитие неординарного вкуса которого четко прослеживается по сотням релизов. Айхер доказал, что обладает не только талантом бескомпромиссного продюсера, но и даром удачливого предпринимателя. Сколько компаний, занимающих-

ся «новым звуком», появлялось в 60-90-х годах XX века! И где они? В сердцах поклонников, как СМР Уолтера Куинтуса? Похоронены в недрах транснациональных шоу-корпораций, как Vertigo или Charisma?

Сказать, что ECM — независимая компания, значит не сказать ничего. Уникальность ECM заключается в ее особой *отделенности* от всего остального музыкального бизнеса.

Water

ECM — это собственные джаз-фестивали. Выделенные стенды в музыкальных магазинах. Наконец, единый сформировавшийся дизайн буклетов CD, каталогов, Интернет-сайта.

Отдельность, а точнее, отрешенность этой музыки проявляется и в ее стилистике, охарактеризовать которую можно лишь так — музыка ECM. В ней присутствуют современное исполнение классических произведений и электронный транс; индийская рага и изощренный ментальный нордический пост-джаз; католический хорал и особый, «фирменный» нью-эйдж.

Помимо отточенного внешнего дизайна и изящного почерка звукорежиссера Яна-Эрика Конгсхауга, колдующего над саундом, музыка ECM имеет еще и свой неповторимый видеобраз. С ней лучше общаться один на один. Эта музыка вообще «предпочитает» одиноких. Она шелестит пахучим осенним дождем. Рассказывает о щемящем, сладострастном неуют горной расщелины.

Тяжелая ветвь липы поигрывает светом неумятого фонаря. Скрипит дверная петля. Знобит сквозняк, доносится влажный шепот чьих-то отстраненных губ. Мурашки пробегают по позвоночнику. Контуры становятся резче, и в этот момент обретается кристальность. Та, что заставляет окружающий мир звучать.

Такое ощущение создает ПОТОК музыки. Удивительно осознавать, что *так* сыграли музыканты, *так* передала цифра. Это именно тот редчайший случай, когда важно не качество музыки (даже, как ни парадоксально, не качество записи, хотя и с этим все в порядке), а тот факт, что это и есть САМА МУЗЫКА в своем самом незамутненном, не искаженном сольфеджио виде.

Музыка ECM, кроме этого, — и неожиданная «альтернативная» школа минимализма. Хотя — никакая она не альтернативная, ибо «минимальность» реализована буквально (и без всяких «измов»): минимальными средствами звуковой палитры достигается главное.

Каталог ECM изобилует трио, дуэтами и соло. Самыми неожиданными и в самых неожиданных сочетаниях. В нем имеются пластинки с записями одного лишь контрабаса. Причем их не только можно, но и нужно слушать. Яркая звездочка: группа «Азимут» — пианино, труба и... женский голос в качестве третьего инструмента. А есть еще орган плюс кларнет. Или: средневековое пение и сопрано-саксофон. Гитара и табла. Резонирующие камни. И многое другое.

Это не эпатаж, который порой присутствует в малотиражных релизах начинающих продюсеров и музыкантов («А мы вот так можем!»). Очень зрелые и

Sky

продуманные работы, без малейшей скидки на экспериментальность и изощренность. Так звучит Музыка.

В разнообразии подходов не утрачивается определенность цели — достичь гармонии «золотого сечения» (она лишь оттачивается). Обнажить конструкции миров, материализовать, насколько это возможно, на «серебряном диске» музыку сфер.

Немногие музыканты могут похвастаться, что работали с Манфредом Айхером. Бессмысленно посылая в мюнхенский офис катушку с записями. В одном из интервью Айхер сказал: «Если вы — выдающийся музыкант, мы сами рано или поздно предложим вам сотрудничество». Только солидная компания, обремененная громадным престижем, может позволить себе так по-снобистски подходить к формированию планов на будущее.

Музыканты, переступающие порог студий звукозаписи **ECM**, преобразуются. У многих из них есть другие работы, но почему-то те пластинки обладают гораздо меньшим магнетизмом. Они более легковесны, хуже запоминаются. На **ECM** музыкант способен раскрыться полностью. Здесь он может быть самим собой — без скидок на проторенные дорожки и коммерческий успех. Здесь ему помогут достичь максимальной утонченности, на которую он только способен. Или чуть большей.

ECM знакома практически каждому меломану. Она входит в нашу жизнь свежими, не похожими ни

на что другое пластинками Яна Гарбарека, Кита Джаррета и Пэта Мэттини. Музыка обжигает чистейшим кислородом, перекраивает и перекрашивает окружающий мир. Ее влияние настолько сильно и неожиданно, что немногие могут выдержать его. И лишь единицы, оставшиеся верными «марке», отваживаются уйти в свободный поиск по обширному черно-белому каталогу компании, открывая для себя новые имена и новые проекты.

Например, вот эти:

John SURMAN / Karin KROG / Terje RYPDAL / Vigleik STORAAS
«Nordic Quartet», ECM 1553, 1995 год.

Именно такой вы всегда представляли себе Норвегию. Бархатная тушь полярного ночного неба и огромные голубоватые звезды на ней. Искрящийся в свете портового прожектора снег и наледь на бортах рыболовецкого сейнера. Отвалы мороженой рыбы и сосульки на усах усталых моряков.

А еще — противостояние кармического северного холода и тепла женщины. Странная ускользящая связь. Тонкая и волнующая вязь унылой одинокой песни, монохромного саундскейпа электрической гитары, пивных «повякиваний» баритон-саксофона и (изредка) классических «укальваний» пианино.

Лучшая работа **ECM** 1995 года.

Fire

MASQUALERO (Arild ANDERSEN / Jon CHRISTENSEN / Tore BRUNBORG / Nils Petter MOLVAER / Frode ALNAES)
«Aero», ECM 1367, 1988 год.

Голубая пластинка с крылом авиалайнера на обложке ослепила меня своим светом. Я несколько недель не мог воспринимать иного. Математически выверенный контрабас и не менее точное лекало аранжировок. Поступательное движение клапанных механизмов духовых и тростевых. Таблица квадратных гитарных ладов. Слова-синонимы: композиция и конструирование.

И, словно сетка надежного, но легкомысленного гамака, под всеми этими функциями и квадратными уравнениями, — запредельный астрал величайшего из барабанщиков.

ECM всегда в пути. Сегодняшние релизы превосходят силой чистого духа те, что были созданы пять лет назад, а они, в свою очередь, намного кристальнее еще более ранних. Утонченность приобретается в процессе эволюции. А эволюция никогда не останавливается. Продюсерский гений Манфреда Айхера продолжает плодотворно трудиться, и вкусу этого человека можно доверять бесконечно.

Eberhard WEBER (при участии Paul McCANDLESS / Bill FRISELL / Lyle MAYS / Michael DiPASQUA)
«Later That Evening», ECM 1231, 1982 год.

Еще одна симфония волшебного эльфа — контрабаса. Он, как добряк-кукловод, создает свой собственный спектакль, свою собственную сцену. Но если другие его работы принадлежат к сказочному плюшево-кукольному миру, то здесь канва выходит далеко за привычные рамки. Саунд по-прежнему мягок, и автор узнаваем, но работа музыкантов несколько неожиданна.

Как-то иначе, метафизично, звучит гитара Билла Фризелла — совсем не так, как на его пресноватых многочисленных сольниках. А на заднике сцены — загадочный зазеркальный мир клавиш пианино. Они будто живут своей жизнью — хотя на деле звучат лишь благодаря незнакомой до сих пор грани таланта Лайла Мэйса, доказавшего, что участие в простеньких проектах Пэта Мэттини не исчерпывает его потенциал в качестве «ЕСМовского» музыканта.